

Волчья мельница

Франция, 1897 год. Юная Клэр Руа — непокорная красавица с гордым нравом. Такая же свободолюбивая, как и ее верный и необычный питомец — волчонок, которого девушка спасла от голодной смерти и забрала домой. Но теперь перспектива нищеты и голода нависла над семьей самой Клэр. Дело ее отца, мэтра Колена Руа, переживает не лучшие времена. Чтобы выплатить долги, Колен вынужден выдать дочь за сына богатого землевладельца, Фредерика Жиро. Клэр знает, что он жесток и беспринципен, и ничего, кроме неприязни, к нему не испытывает. Однажды в долине Клэр встречает молодого беглого каторжника Жана. Эта встреча была уготована им судьбой. Два сердца, стремящиеся к свободе, свяжет страсть. Но по следам Жана рыщет шеф ангумуазской полиции, а Клэр уже обещана другому...

Волчья мельница

МАРИ-БЕРНАДЕТТ

ДЮПЮИ

КСД

*Волчья
мельница*

*Marie-Bernadette
Dupuy*

*Le Moulin
du loup*

Roman

*Мари-Бернадетт
Дююю*

Волчья мельница

Роман

ХАРЬКОВ
2022 КСД

КСД

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2022

ISBN 978-617-12-9407-3 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Переведено по изданию:
Dupuy, M.-B. Le Moulin du loup : Roman /
Marie-Bernadette Dupuy. — Canada,
LES Éditions JCL, 2007. — 514 p.

Перевод с французского *Наталии Чистюхиной*

Дизайнер обложки *Анастасия Попова*

Франція, 1897 рік.

Юна Клер Руа — непокірна красуня з гордим характером. Така ж волелюбна, як і її вірний і незвичайний вихованець — вовчєня, якого дівчина врятувала від голодної смерті й забрала додому. Утім тепер перспектива бідності й голоду нависла над родиною самої Клер. Справа її батька, метра Колєна Руа, переживає не найкращі часи. Щоб виплатити борги, Колен змушений видати дочку за сина багатого землевласника, Фредеріка Жиро. Клер знає, що він жорстокий і безпринципний, і нічого, крім неприязні, до нього не відчуває. Одного разу в долині Клер зустрічає молодого каторж-ника-втікача Жана. Цю зустріч подарувала їм доля. Два серця, що прагнуть свободи, зв'яже пристрасть. Але слідами Жана нишпорить шеф ангумуазької поліції, а Клер уже обіцяна іншому...

Дюпюи М.-Б.

Д95 Волчья мельница : роман / Мари-Бернадетт Дюпюи ; пер. с фр. Н. Чистюхиной. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2022. — 640 с.

ISBN 978-617-12-9266-6

ISBN 978-2-89431-371-8 (фр.)

Франция, 1897 год.

Юная Клер Руа — непокорная красавица с гордым нравом. Такая же свободолюбивая, как и ее верный и необычный питомец — волчонок, которого девушка спасла от голодной смерти и забрала домой. Но теперь перспектива нищеты и голода нависла над семьей самой Клер. Дело ее отца, мэтра Колена Руа, переживает не лучшие времена. Чтобы выплатить долги, Колен вынужден выдать дочь за сына богатого землевладельца, Фредерика Жиро. Клер знает, что он жесток и беспринципен, и ничего, кроме неприязни, к нему не испытывает. Однажды в долине Клер встречает молодого беглого каторжника Жана. Эта встреча была уготована им судьбой. Два сердца, стремящиеся к свободе, свяжет страсть. Но по следам Жана рыщет шеф ангумуазской полиции, а Клер уже обещана другому...

УДК 821.133.1(71)

© Les éditions JCL, Canada, 2007

© DepositPhotos.com / vverve, AlterPhoto, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод, издание на русском языке и художественное оформление, 2022

Моим дорогим родителям,
сумевшим привить мне любовь к книгам.
Моей преданной Гийометте, которая,
как когда-то тетушка Габи,
поддерживает и любит меня.

С некоторыми писателями не всегда легко уживаться...
Когда я в процессе творческих изысканий, поглощена работой,
нужно немалое мужество, чтобы меня терпеть,
поэтому спасибо, что хранишь мне верность.
Клод Эмерик, моей невестке,
в знак глубокой привязанности.

Мне бы очень хотелось однажды побывать вместе с тобой
в долине реки О-Клер.

Слова признательности

Для создания сюжета, в котором фабула приобретает отчетливый местный колорит, необходимы длительные изыскания и общение с людьми. Поэтому я выражаю горячую благодарность всем тем, кто помогал мне, но не пожелал увидеть свое имя в печати. Не так ли, Мари? Я искренне признательна мсье Жаку Брежу́, который несколько лет назад любезно поведал мне историю бумажной мельницы дю-Верже, где он по сей день продолжает кустарным способом (в лучшем смысле этого слова!) производить бумагу.

От автора

Отдав должное красотам Корреза, Лимузена, бассейна реки Шаранта и берегов Атлантики, в своем новом цикле главную роль мне захотелось отвести жемчужине департамента Шаранта — долине О-Клер¹, которую многие мои сограждане регулярно посещают, чтобы просто погулять, любуясь пейзажами, или заняться скалолазанием. С детства мне полюбились эти буколические места, отмеченные ореолом таинственности и значимые с исторической точки зрения: в пещерах местные археологи сделали замечательные находки. А там, где есть пещеры, будут и легенды, с ними связанные, и народные верования... Кое-кто мне рассказывал на ушко, что существуют там и потайные ходы...

Эти места вдохновляют. Так, созерцая бумажную мельницу Мулен-дю-Верже, построенную в XVI веке и все еще функционирующую в качестве ремесленной мануфактуры, мне захотелось описать жизнь семьи, которая протекала бы здесь, у подножия скал, на берегу реки. Полюбившейся мне привычке я собрала свидетельства, местные предания, чтобы привнести в роман аутентичные детали. Клер Руа, особа независимого нрава и мечтательница, — главная его героиня. Она окружена галерей персонажей, надеюсь, располагающих к себе, и некоторые из них действительно жили в этой плодородной долине.

Добавлю, что Мулен-дю-Верже, несмотря на некоторые трудности в начале XX столетия, может похвалиться славным прошлым, и бумага, производимая в ее крепких стенах, издавна славилась своим качеством, была высоко оценена королями, английскими и голландскими торговцами и являлась предметом успешной коммерции.

Закончив работу над романом, я получила приятный сюрприз. Квебекцы, посещавшие долину О-Клер в 60-х годах XX столетия, сообщили, что у них имеется копия Мулен-дю-Верже, которую я взяла за образчик для своей «Волчьей мельницы».

Столько французов покинули родину, чтобы обосноваться по другую сторону Атлантики, что удивляться тут, в принципе, нечему. Чтобы не забыть свою землю, ее предания и обычаи, должно быть,

очень отратно соорудить себе дом, замок или мельницу по знакомому образцу!

Мари-Бернадетт Дююю

1 Живописная долина в пяти километрах от Ангулема, в Шаранте. Местные скалы впечатляют, даже если не знать, что здесь было найдено множество памятников доисторического периода. Ценители бумаги кустарного производства, любители пеших прогулок и скалолазания — добро пожаловать! *(Примеч. авт.)*

Глава 1. Облава

Долина О-Клер, январь 1897 года

— Вы тоже это слышали? Проклятые волки совсем близко!

Ортанс, жена Колéна Руа, владельца бумажной мельницы², в местном обиходе привычно именуемой Пастушьей, перекрестилась. Ее дочь Клер и племянница Бертий, сидевшие за столом друг напротив друга, наострили ушки. Девушки то и дело вздрагивали, но не от сквозняка, хотя из-под двери и тянуло ледяным холодом. Переключка обложенной в ночи волчьей стаи кого угодно встревожит.

— На улице холодина! — сердито продолжала женщина, останавливаясь возле кухонной плиты. — Уже две недели морозы. Вот северный ветер и гонит зверье из леса, поближе к нашим домам.

Клер озадаченно посмотрела на мать. Ортанс Руа стояла неподвижно, на лбу у нее залегла глубокая морщина. Уже много лет суровое выражение не сходило с ее некогда миловидного лица. Даже в ясном взгляде серо-голубых глаз читалась какая-то потаенная горечь. Безукоризненно опрятная одежда — белоснежный накрахмаленный чепец, красный шейный платок, тяжелая юбка зеленой шерсти под широким фартуком из небеленого полотна — безжалостно подчеркивала усталость ее черт и нездоровую бледность.

— Мамочка, не волнуйся, мы ведь не держим овец! — постаралась успокоить ее Клер. — А три моих козочки в сарае, за крепкими стенами. Волкам до них не добраться!

Ортанс досадливо поморщилась, не уловив в голосе дочери насмешки. Примерилась, как бы половчее взять большую супницу, до времени стоявшую с краю на монументальной чугунной печке — чтобы не остыла. Приятно запахло горячим гусиным жиром и чесноком. Бертий Руа шевельнулась в своем кресле.

— Тетушка, не несите пока что супницу! С ужином можно подождать. Дядя Колен наверняка скоро придет. Он так любит ваше фасоловое рагу! Лучше сядем за стол все вместе.

— Ой! Слышите? — вскричала Клер, вскакивая со скамьи. — Стреляют!

— Облава, — прошептала Ортанс. — Только бы ни с кем из охотников не случилось беды... И ведь это все затеял мсье Жиро! У него, видите ли, две овечки пропали, и все мужчины деревни вынуждены идти охотиться на волков. Да еще в субботу вечером! Колен не умеет обращаться с оружием. Парни с мельницы пошли со всеми, но ему зачем было идти?

Клер усмехнулась про себя. Отец ее был человек добрый, мечтатель и все свои силы и умения отдавал работе. Невозможно было представить его идущим по волчьему следу с ружьем в руках. Но раз Эдуар Жиро, богатый фермер, державший в кулаке всю долину, прислал слугу с распоряжением всем молодым и здоровым парням с мельницы, включая владельца, явиться немедленно, делать нечего.

— А наш старичок Моиз? — спросила Бертий. — Он уже дома?

— Чертов пес! Чтоб ему провалиться! — воскликнула Ортанс. — Не желаю видеть его в доме. От него разит. Да еще еду таскать повадился!

Бертий пробормотала что-то извиняющимся тоном. Ей не хотелось сердить тетку. Три года назад родители девушки погибли при столкновении конного экипажа, в котором они все находились, с поездом. Бертий уцелела, однако ноги отказывались ей служить — превратились в объект стыда, который она тщательно прятала под юбки. Колен Руа, дядя по отцовской линии, приютил ее в своем доме, в долине реки О-Клер. «Теперь у нашей Клер появилась сестра!» — сказал он, улыбаясь сквозь слезы и думая о брате, столь безвременно почившем.

Ортанс в ответ промолчала, хотя содержать пятнадцатилетнюю калеку ее совершенно не прельщало. Иной раз она и суп племяннице наливала, недовольно морщась, и за эти три года ни разу не сказала ей доброго слова. И это при том, что не любить Бертий было невозможно. Клер ее обожала, и неизбежные заботы о калекке не вызывали у нее отвращения. Она помогала кухне мыться, одеваться. Вот и сейчас, пятась потихоньку к двери, за нее заступилась:

— Мамочка, я согласна с Бертий. Обычно Моиз приходит за своей порцией супа. Что, если на него напали волки? Я так его люблю!

Клер сняла с вешалки накидку. Надела, поправила капюшон на длинных, ниже талии, темно-каштановых волосах. Настроена она была решительно. Щеки разрумянились, черные глаза сверкали,

маленький нос задорно морщился. На ярких, как вишни, губах танцевала улыбка.

— Фонарь мне ни к чему, сегодня полнолуние. Мамочка, я выйду, позову Моиза и вернусь!

Ортанс отозвалась сердито:

— Клер, я запрещаю! Будь дома! Хватит того, что твой отец слоняется по окрестностям ночью. Этьенетта уже легла, так что мне понадобится твоя помощь.

— Я ей сочувствую, бедняжке! Работает за десятерых, с утра до ночи.

Клер всех на свете готова была защищать от своей суровой матери. Четырнадцатилетняя Этьенетта поступила на службу в дом Руа прошлой весной и с тех пор жила, как пугливая мышка. Ортанс давала ей кров — матрас на чердаке, и еду — вчерашние объедки. Еще маленькой служанке случалось выслушивать ее иеремиады³: мол, Этьенетта ворует еду у свиньи в сарае, а иногда и у кур.

— Мам, я быстро!

Миниатюрные пальчики бунтовщицы быстро управились с защелкой, и дверь распахнулась, впуская ледяной северный ветер. Клер, удивляясь собственной смелости, окинула воинственным взором комнату, где прошло ее детство: по обе стороны огромной печки — два тяжелых сундука, длинный стол темного дуба, настенные часы с качающимся маятником, беленые известью стены, темно-коричневые потолочные балки, с которых свисают многочисленные пучки высушенных лекарственных трав... Обстановка, знакомая до мелочей. И похожее на цветочек личико Бертий... Она такая бледная, такая миниатюрная со своими собранными в шиньон очень светлыми волосами, серыми глазами и белоснежной кожей!

— Я прихвачу папину трость с железным набалдашником, — добавила Клер. — И вообще, там охотники, выстрелы, так что мне бояться нечего. Волки наверняка убежали!

И она скрылась в синеватых сумерках. Ортанс еще раз перекрестилась. Никому не удержать Клер, столь же живую и своенравную, как воды реки, которая уже несколько столетий, днем и ночью, вертит три лопастных мельничных колеса.

«Господи, спаси ее и сохрани!» — взмолилась про себя Бертий.

У девушки внезапно защемило сердце, на глаза навернулись слезы. Как бы ей хотелось последовать за Клер, вот так же ловко завернуться в накидку и выскочить за порог! Она тихонько похлопала по худеньким бедрам под толстой тканью юбки. Бертий часто хотелось умереть. На земле ее удерживали лишь страх согрешить, улыбка дяди Колена да искренняя привязанность кухни.

В одном Клер все же просчиталась: огромные тучи закрыли собой луну. Шел мелкий снежок, очень похожий на град.

«Надо было взять фонарь! Хотя... И так не заблужусь!»

Девушка немного постояла на крыльце, потом спустилась по ступенькам на мощенную камнем террасу. Внимательно осмотрела двор, удивляясь, что он уже успел побелеть от снега. Темные пятна земли еще виднелись возле конюшни, сараев для сушки бумаги и крытого гумна. В овчарне тревожно блеяли козы. Это была самая маленькая из хозяйственных построек, с выходом на просторный луг, от которого многочисленные тропы поднимались к лесистому плато. Три отцовских лошади тоже вели себя беспокойно. У Клер быстрее застучало сердце: может, они почуяли волка? Ведь этот страшный зверь с длинными клыками и жутким взглядом может затаиться где угодно... Клер никогда не приходилось видеть волка вживую, но в особенно суровые зимы их голодный вой часто доносился с соседних холмов.

— Моиз! Моиз!

Ветер подхватывал ее слова и уносил, словно себе на потеху. Но Клер не сдавалась, звала снова и снова. И вдруг — голоса! В восточной стороне, у подножия утеса, затанцевали желтые огоньки.

«Облава!» — подумала девушка.

И замерла в нерешительности. Отец наверняка там! Несколько минут бегом, и она его разыщет. Но бежать одной, в темноте, очень страшно... И все же беззаботность и оптимизм, так свойственные семнадцатилетним, побороли ее сомнения.

«Там будут папа и сын мсье Жиро... Он наверняка восхитится моей смелостью!»

И, улыбаясь своим мыслям, Клер побежала по дороге. Надежда перекинуться словом с красавцем Фредериком окрыляла. Юноша еще

не выбрал себе невесту, и в деревне поговаривали, что честь завоевать его сердце наверняка выпадет ей.

Они с Жиро были соседи. Это фермерское семейство владело многими гектарами леса и пашни и занималось разведением коров и лошадей.

Холод пронизывал до костей, но Клер упорно шла, зная, что, чем скорее шаг, тем быстрее в теле циркулирует кровь. Она поймала на язык несколько снежинок, весело засмеялась. Ничто не могло помешать ей чувствовать себя счастливой в этот вечер. Развлечений на мельнице мало, и тем увлекательнее было оказаться одной в ночи, в снегопад, и тем приятнее повстречаться с соседями. С весны странное, сладкое томление поселилось в ее сердце.

В мае — а это лучшее время для пребывания на природе — Клер любила гулять по тропинкам, вдоль ручьев и собирать лечебные травы, самой природой разбросанные у людей под ногами, чтобы помочь им исцеляться. Наука предков, зародившаяся на заре цивилизации... Клер знала все потаенные целебные свойства каждого цветка, листочка и корешка, и ей очень нравилось возиться в «аптеке» — маленькой каморке на мельнице, которую выделил ей отец. Там с помощью спиртовки она готовила отвары и настои, раскладывала травы на просушку, толкла в ступке корневища растений.

Работники бумажной мельницы первыми испытали на себе благоприятное воздействие ее снадобий. Ушибленный палец Клер врачевала мазью из окопника лекарственного, на место ожога наносила истолченные в козьем молоке цветки коровяка.

Зима всегда казалась ей слишком длинной. Вот и сейчас Клер думала о том, что скоро в растениях снова двинется сок и набухнут почки. Проходя по снегу, поскрипывающему у нее под ногами, она вспоминала, какие растения и цветы растут в этом вот конкретном месте и на этом склоне, где земля поплотнее. Так, в задумчивости, она дошла до утеса.

Огромная каменная глыба, похожая на крепостные стены, насчитывала множество пещер, куда ребятам путь был строго заказан. Бабушка Клер, умершая прошлой осенью, рассказывала об этих пещерах страшные истории. К примеру, что в давние времена там жили чудища, чьи кости и зубы до сих пор в самом сердце горы

находят смельчаки. И что сам дьявол посещал эти подземелья, потому что их коридоры, полные летучих мышей, ведут напрямиком в ад.

Ортанс с Коленом мыслили прозаичнее: что водоплавающие птицы нашли там удобное убежище от лис, куниц и барсуков.

Доказательством тому были регулярные набеги этих мелких хищников на окрестные курятники.

Клер, скрестив пальцы, всматривалась во входное отверстие одной из пещер, когда злобный лай заставил ее замереть на месте.

— Моиз!

Где-то рядом крикнул мужчина, послышались какие-то щелчки... Клер уже ни о чем не думала, она действовала по наитию. Подхватив юбки, стала быстро взбираться по склону туда, где, как она знала, было пологое место и откуда доносился шум.

— Моиз! Моиз, ко мне! На кого ты лаешь?

Выставив перед собой трость, девушка замерла — такой неожиданной была открывшаяся ей картина. В свете стоящего на земле фонаря она разглядела мужчину, который целился в ее пса. Моиз стоял в паре шагов от него, скаля жалкие остатки своих зубов. Старый пес был крупным, и лай его, перемежающийся с рычанием, звучал грозно.

Мужчина заметил Клер и крикнул:

— Назад, мадемуазель! Этот пес бешеный!

По пряди золотистых волос, выбившейся из-под широкополой шляпы с фазаньим пером, Клер узнала Фредерика Жиро. Ну конечно! Это круглый год смуглое лицо с прямым носом, эти зеленые миндалевидные глаза, чье колдовство ей уже довелось испытать...

В иных обстоятельствах она бы оробела. Но момент был критический, и девушка смело заявила:

— Мсье, это мой пес, и он не бешеный. Пожалуйста, не стреляйте! Сейчас я его успокою. Он просто вас испугался.

Юноша в раздражении топнул ногой.

— Отойдите бога ради! Там, чуть дальше, волк!

У Клер задрожали колени. Но перед глазами у нее стоял только Моиз — с окровавленной пастью и рычащий как никогда прежде.

— Мсье, сжальтесь! Не стреляйте! Где мой отец? Он не позволит вам застрелить моего Моиза. Я — дочка Колена Руа!

— Черт возьми, я знаю, кто вы! — зло отвечал Фредерик Жиро. — Я не слепой.

Тому, что случилось дальше, было суждено глубоко ранить сердце девушки и на многие годы омрачить ее воспоминания. Долго она будет помнить эту сцену с неизменным ощущением собственной ранимости, беспомощности и сожалением, что она — не сильный мужчина и в руках у нее нет ружья.

Фредерик спустил курок. Эхо выстрела прокатилось по долине. Пуля угодила Моизу в грудь. Пес взвизгнул, словно от изумления, и повалился на бок. Лапы его задергались, дыхание стало надрывным, хриплым. Вторая пуля настигла нечто серое, затаившееся в чашеобразном углублении в горе, почти скрытом горкой сухой земли.

— О нет! — прошептала потрясенная Клер.

У волчицы был раскроен череп. Она упала и больше не шевелилась. Запахи пороха и дикого зверя, неумолимая жестокость этой двойной расправы... Клер затошнило от отвращения. Шатаясь, она отступила на пару шагов, и ее вырвало. Конечно, неприятно, что это случилось на виду у наследника семьи Жиро, но что поделаешь? Лоб у девушки был мокрый от испарины, живот сводило болью, и вдобавок ко всему она чувствовала себя униженной и слабой.

— Надо же, как вы чувствительны, мадемуазель! — услышала она низкий голос Фредерика. — Вам нечего делать в долине с наступлением ночи. Охота — дело мужское.

Клер вытерла рот тыльной стороной руки. От потрясения она немного оправилась и теперь хотела одного — наброситься на это чудовище в кожаных сапогах и бить его, бить, бить...

— Теперь вы довольны? — едко спросила она.

Девушка задыхалась, сдерживая слезы. Фредерик же закинул ружье на плечо и, усмехнувшись, подобрал с земли фонарь.

— Пришлю кого-нибудь из прислуги отрезать у волка лапу. За это назначена награда, пусть получит. А вы, Клер, возвращайтесь домой и впредь будьте осмотрительнее.

Фредерик Жиро подошел и затынутым в кожаную перчатку пальцем провел по щеке девушки. В свете танцующего огонька его лицо казалось надменным и жестоким.

— Я всю жизнь буду вас ненавидеть! — крикнула ему Клер.

Он засмеялся и пошел вниз по склону.

— Я не против, мадемуазель! Мне нравятся девушки с характером, — последовал ответ. — Хотя прошлым летом на

деревенском балу я не был вам так уж неприятен.

Клер промолчала. Спотыкаясь, она добрела до своего пса и опустилась на колени рядом с ним. Бедный Моиз дышал прерывисто, его добрые, золотистого оттенка глаза поблескивали в темноте.

— Моиз, милый, как он мог так с тобой поступить? — зашептала Клер, обнимая собаку.

Она рыдала, забывшись в своем страдании, в своем возмущении.

Слова сами слетали с губ, голос ее по-детски дрожал:

— Мой славный Моиз, как ты тут оказался? Я уверена, никакой ты не бешеный. Если ты и рычал на этого болвана Фредерика, значит, была причина! Я-то знаю, что ты добрый, хороший пес!

Каждое слово приближало Клер к осознанию произошедшего. Последние несколько недель Моиз и правда вел себя странно...

«Рано утром он убежал со двора и возвращался вечером. А еще мама жаловалась, что он душит наших кур, хотя прежде Моиз даже на диких кроликов не охотился!»

Она погладила пса по голове и по шерстистому боку, вздымавшемуся все чаще. Моиз был пастушьим псом, светлой, с рыжими пятнами, масти.

— Когда папа принес тебя в дом, я хотела назвать тебя Бланшо⁴, но ты прыгнул в речку и чуть не угодил под мельничное колесо. Я едва успела схватить тебя за хвост. Тогда мама сказала, что лучше назвать тебя Моиз⁵, потому что я спасла тебя из воды, совсем как дочка фараона — младенца Моисея, который потом стал пророком.

Клер умолкла и заплакала еще горше. Собачий бок у нее под руками вдруг замер и опал. Моиз умер. Она надрывно вздохнула. Вдали снова загремели выстрелы: облава продолжалась.

Девушка никак не могла заставить себя уйти. Время шло, а она все сидела возле мертвого пса, и вдруг где-то рядом послышался писк. Не веря своим ушам, девушка на ощупь двинулась туда, где лежала волчица. Она пошарила на земле возле еще теплого трупа...

— Ай!

Словно иголка впиалась в запястье. Клер подумала — змея, но откуда ей взяться здесь зимой? Когда глаза ее привыкли к темноте, девушка разглядела шевелящийся комочек.

— Что это?

Она схватила малыша, и тот начал отчаянно отбиваться, тоненько пища. Затаив дыхание, она перенесла его поближе к тропинке, где было не так темно.

— Волчонок! Но почему тогда...

Звереныш был размером с кошку и отчаянно барахтался от страха. Клер разглядела у него на лбу белое пятнышко, ярко выделявшееся на почти черной шерстке. Вот оно, объяснение, хотя поверить ей в это удалось не сразу.

«Моиз завел себе подругу, волчицу... Поэтому он защищал вход в пещеру! Спрошу у папы, он скажет точно. Хотя нет, папа в этом мало смыслит. Лучше сразу пойти к Базилу. Он поможет!»

Клер спрятала волчонка на груди, под накидкой. Горе ее было велико, но присутствие этого теплого комочка стало для нее неожиданным утешением. Она дала себе зарок, что вырастит малыша, подаренного ей судьбой. И смерть его отца не будет совсем уж напрасной.

Так, улыбаясь сквозь слезы, она спустилась на проезжую дорогу. Этой морозной, снежной ночью в душе у Клер родились глубокое сочувствие ко всем обездоленным и потребность бороться с несправедливостью. Девушка, которая торопливым шагом устремилась к дому Базиля Дрюжона, бывшего школьного учителя, была уже не та бестрепетная и жизнелюбивая Клер, которая час назад выбежала из дома, хлопнув дверь. Юбка у нее была в крови, а душа постигла величайшую тайну: счастье и беззаботность, увы, недостижимы.

Закинув ноги на табурет, Базиль Дрюжон курил трубку. Он любил такие вечера: сидишь себе у огня, приятно согревающего ноги и лицо, в клубах табачного дыма, и смотришь, как он спиралью поднимается вверх. Но сегодня отдых не задался. Положив седовласую голову на спинку единственного кресла, он ворчал себе под нос при каждом звуке выстрела, раздиравшего тишину долины.

Мсье Дрюжон был худощав, и его тонкие бесцветные губы под аккуратными усиками наводили на мысль, что их обладатель — человек мелочный, узких взглядов. Но стоило ему улыбнуться, и полный нежности взгляд золотисто-карих глаз опровергал это впечатление.

— Чертовы буржуа! Эти Жиро пуль не считают! Невежи, которые наверняка не читали «Смерть волка» де Виньи...

И, смежив веки, он продекламировал вполголоса:

И, не желая знать, за что и кем изранен,
Глаза свои закрыл безмолвен, бездыханен⁶.

Преподавание арифметики и литературы — не единственное, что увлекало его в жизни. Базиль Дрюжон в свое время был коммунарком, с первых дней приветствовал становление Третьей французской республики. В 1870 году, бросив все, он отправился в Париж и сражался бок о бок с Луизой Мишель⁷ и ее сторонниками. Из этого приключения, стоившего ему учительской должности, он вынес массу трагических воспоминаний и постоянную боль в плече после тяжелого ранения. На момент приезда в долину О-Клер и знакомства с Коленом Руа, бумажных дел мастером и владельцем Пастушьей мельницы, мсье Дрюжону было уже за пятьдесят, и он искал спокойное место, где можно было бы поселиться. Отец Клер очень дешево сдал ему домик на отшибе, где он с тех пор и жил. Река и окрестности давали ему все необходимое. Базиль ловил форель и лягушек, выращивал картофель и брюкву. На деньги, полученные от продажи овощей, покупал себе табак и хлеб. Еще писал за неграмотных соседей письма — в глубинке очень востребованная услуга.

Мсье Дрюжон как раз размышлял, что посадит весной, когда в ставню постучали.

— Базиль, это я, Клер! Пожалуйста, открой!

— Вот так новость! — буркнул он себе под нос. — На мельнице случилась беда, иначе девочка не пришла бы так поздно!

Он знал Клер с пятилетнего возраста, и хоть прошло больше десяти лет, все еще считал ее ребенком и придумывал для нее массу ласкательных прозвищ.

Клер, тяжело дыша, вбежала в дом. Базиль закрыл за нею дверь на засов.

— Уж не сам ли дьявол за тобой гнался, моя крошка? Кто-то заболел? Бертий? Мадам Руа?

— Нет. Вот, посмотри! — пробормотала девушка, показывая ему волчонка. — Базиль, ты не поверишь! Руку даю на отсечение: этот

мальш — дитя любви нашего Моиза и волчицы! Видишь, у него на лбу белое пятно и на животе тоже. Только Моиза больше нет...

— Угомонись, девочка, и все мне расскажи. Выводы сделаем после. Ты вся дрожишь!

Меньшего от своего друга Клер и не ждала. Он не станет кричать, взывать к Господу и всем святым на небесах. Базиль руководствуется логикой.

— Сейчас налью тебе чего-нибудь согреться, — продолжал хозяин дома.

Девушка наблюдала за ним с чувством облегчения. Прихрамывая, Базиль подошел к серванту, взял два стакана и бутылку.

— Так что стряслось? — спросил он.

Клер, у которой щеки разругались от алкоголя, стала рассказывать. Базиль не перебивал, только кивал и потирал подбородок.

— Дурак набитый этот твой Фредерик! — все-таки не сдержался он, когда девушка, всхлипывая, заговорила о смерти собаки. — Мое мнение — он действительно решил, что Моиз взбесился. Это страшная болезнь, девочка. Тот, кого покусал бешеный зверь, сам становится хуже зверя. Кричит, изо рта идет пена... Я слышал историю про мужчину и ребенка, на которых напал волк. Малыш умер, а несчастный парень заболел, и соседи решили, что он внезапно спятил. Заперли его в собственном доме, заколотили досками окна. И в конце концов, чтобы он не мучился, задушили между двумя матрасами. Великий Пастер создал вакцину против бешенства. Но нужно успеть вовремя сделать укол.

— Уверяю тебя, у Моиза не было бешенства! — заупрямилась Клер, взволнованная словами друга. — Я ненавижу младшего Жиро, я так ему и сказала! Раньше я думала, что он джентльмен, а оказалось — грубая скотина!

Базиль даже удивился такой горячности.

— Джентльмены любят убивать. Твой Фредерик не пропускает ни одной псовой охоты, устраиваемой его отцом. Рассказывают, что в лесу Монтиньяк он одним ударом ножа убил оленя-семилетку.

Клер опустила глаза. Она не раз имела возможность любоваться Фредериком в красной куртке и белых штанах, с новеньким охотничьим рогом за плечом.

— Признайся, этим летом он тебе даже очень понравился, — продолжал Базиль. — Ты мне уши прожужжала, расписывая Жиро-младшего, и какой он ловкий наездник. И после бала в мэрии, 14 июля прошлого года, расстроилась, что он не пригласил тебя на танец.

— Ну и пусть! Теперь я его ненавижу! Он убил моего Моиза. Убил ни за что!

Девушке снова хотелось плакать. Еще бы ей не помнить тот бал! Она была в новом платье с кружевной манишкой, которое, просиживая ночи без сна, ей сшила бабушка. И с восхищением взирала на Фредерика, приглашавшего на танец местных девушек — но не ее. Он часто смотрел в ее сторону, но так и не подошел. Клер осталась бы подольше, но кузина попросилась домой. Бертий было грустно смотреть на кружащиеся в танце пары, и дома она еще полночи плакала. Клер, преисполненная искреннего сочувствия, не могла ее успокоить.

Волчонок повел носом в сторону стола.

— Что ты собираешься делать с этим полукровкой? — спросил бывший школьный учитель. — Не кривись, он полукровка и есть. Зимой 1870-го мне довелось видеть волков, и у этих зверюг белых пятен на шее не бывает. Ну и невесту нашел себе Моиз на старости лет — волчицу! Разумнее было бы утопить щенка, Клеретт. Из него не вырастет ни хорошей собаки, ни нормального волка. Будет наполовину диким и без страха перед людьми. И то при условии, что твоя матушка разрешит взять его в дом. Если ей дать волю, утопит его, как котенка!

Девушка поспешила спрятать свою находку под накидку.

— Базиль, я пришла с просьбой. Помоги мне вырастить этого малыша! Если утопишь, ноги моей не будет в этом доме. Такого я от тебя не ожидала. Утопить сироту, такого крошечного, слабого! Ты любишь рассуждать о справедливости. А что на деле?

Под пламенным взглядом черных бархатных глаз мужчина сдался.

— Я всего лишь хотел уберечь тебя от неприятностей, моя девочка. Моиза надо похоронить. Славный был пес! Сделаю это сам, завтра утром. И за щенка не волнуйся. Вот, держи свечку! Есть у меня приятельница, которая, может, и согласится его усыновить.

Базиль встал с кресла, расправил худые плечи и сделал Клер знак следовать за ним. Через низкую дверь они прошли в примыкавший

к дому сарайчик. Запах здесь стоял сильный, неприятный. Вдоль одной стены тянулась дощатая загородка.

— Знакомься, это моя свинка Гертруда! — объявил Базиль.

— Откуда она взялась? — удивилась Клер.

— Ты не была у меня с первого ноября, Дня Всех Святых, поэтому не знаешь, что старый приятель из Пюимуайена отдал мне это создание в счет долга. А молока у мадам Гертруды хватит на целый полк!

Клер только покачала головой. Огромная свиноматка, лежащая на боку, на соломенной подстилке, подняла морду. У живота ее возились два поросенка. Базиль, усмехаясь, упер руки в бока.

— Почему бы ей не покормить и твоего волчонка? Я слышал о чем-то подобном, это не первый случай. И по опыту скажу: звери не такие жестокие, как люди.

— Не надо! — возразила девушка. — Она его убьет! Я видела, как наша домашняя свинья съела цыпленка.

— Гертруда — дама воспитанная. Доверься мне!

Если Клер и колебалась, то мгновение. Взбудораженная, она передала малыша Базилью. Он открыл задвижку и вошел в загон.

— Ты с ним поаккуратнее, пожалуйста! — тихо попросила девушка.

Базиль шутливо поморщился. Присел на корточки и поднес волчонка к самой морде свиньи. Та его понюхала и снова легла. Базиль устроил волчонка возле сочащегося молоком сосца, и тот принялся жадно сосать.

— Господи, как это странно! — вскричала Клер.

— Да, хоть басню сочини про волка и свинью!

Они еще немного полюбовались этой сценой. Церковный колокол в Пюимуайене пробил девять часов.

— Не пора ли тебе домой? Мать, наверное, уже извелась от беспокойства, — сказал Базиль. — Выстрелов не слышно, значит, загонщики разошлись по домам. Со зверенышем ничего не случится, я за ним присмотрю. И пообещай, что не станешь слушать извинений Фредерика Жиро! Спорим, этот кретин скоро явится и начнет вешать тебе лапшу на уши? Но его интересует мельница, а не твоя милая мордашка. Хотя нет, он убьет двух зайцев одним ударом: получит и мельницу, и тебя!

— Что ты такое говоришь, Базиль? — краснея, пробормотала Клер.

— Кто унаследует все ваше имущество — мануфактуру, все постройки и отличный участок земли? Ты — единственный ребенок в семье, Клер. И этот живодер Фредерик со своим расчетливым папашей наверняка зарятся на тебя и твое добро. С их страстью к скотоводству лишний кусок земли всегда кстати. Жиро богаты, и при этом они — страшные люди. Страшные!

— Тут можешь быть спокоен, Фредерик мне противен! Разве я могу полюбить человека, застрелившего мою собаку, когда я умоляла его этого не делать?

Клер чмокнула старинного друга в плохо выбритую щеку, бросила прощальный взгляд на волчонка.

— Приду завтра, и ты сочинишь свою басню. Обещай!

Базиль что-то буркнул в ответ. Он как раз раскуривал трубку с помощью трутовой зажигалки, зажав в зубах вересковый мундштук.

Клер немного опасалась приема, какой могла оказать ей мать. Еще бы, уйти из дома после наступления темноты, в разгар охоты, и болтаться где-то два с лишним часа! Она тихонько толкнула дверь и вошла в дом. На первый взгляд ничего не изменилось: Бертий — за столом, Ортанс все так же стоит возле чугунной плиты, своего сокровища и гордости, потому что такие имелись только в зажиточных семьях. Тиканье часов в тишине казалось особенно громким.

— Где тебя носило, Клер? Отец уже дома, волнуется.

— Да, дядя Колен расстроился, когда узнал, — тихо поддержала тетку Бертий. — Мне тоже было за тебя страшно.

Девушка сняла накидку, тряхнула волосами.

— Я ходила к Базилю. Знали бы вы, что произошло...

Из соседней комнаты, служившей рабочим кабинетом, вышел отец. В свои сорок два он был совершенно седой и собирал густые волнистые волосы в хвостик на затылке. Его карие глаза, такие же темные, как у Клер, смотрели ласково и спокойно.

— Папа! — воскликнула девушка, бросаясь к нему.

Колен Руа раскрыл дочери объятия. Ортанс поспешно отвернулась. Временами она испытывала укол ревности, видя, с какой нежностью эти двое относятся друг к другу.

— Папочка, — прошептала Клер, — Моиз умер. Жиро-младший его застрелил.

— Знаю, — так же тихо отвечал Колен. — Он этим похвалялся. Сочувствую, моя Клеретт! Ты только не плачь. Может, пес и правда заразился бешенством. Разве раньше он на кого-нибудь скалился? Нет! И волчица, которая пряталась неподалеку, тоже наверняка была больна. Фредерик решил тебя защитить. Кстати, он сказал, что придет узнать, благополучно ли ты добралась до дома.

Бертий наострила уши. Ей не терпелось узнать больше, но тут Ортанс с раздражением бухнула на стол супницу.

— Пора ужинать! — сухо объявила она.

Клер проголодалась. Для себя она решила, что при всех упоминать о волчице и их с Фредериком Жиро в разговоре не стоит. Одна лишь Бертий получит полный отчет о ее сегодняшних приключениях. Кузина будет рада разделить с нею этот секрет.

Колен сел во главе стола и стал читать «Отче наш». Женщины отвечали тихим «аминь». За едой девушки часто переглядывались, зная, что в своей спальне, на широкой кровати, они еще вдоволь нашепчутся.

— Вкусно! — оценил блюдо бумажных дел мастер. — Фасоль тает во рту, и чесночку ты не пожалела!

— А по-моему, перетушила, — ворчливо отозвалась Ортанс, хотя комплимент ей польстил. — Заставили тебя бегать по лесу в такой холод! Я слышала, о чем вы с Клер говорили. Пес сдох, верно?

Клер вкратце пересказала эпизод, который вскоре будет на слуху у всей долины. Бертий слушала, обмирая от волнения и страха, Ортанс с довольным видом кивала.

— Надо бы поблагодарить Фредерика Жиро, что избавил нас от этой нечисти! — воскликнула она. — Видно, у этого парня таки есть голова на плечах.

Клер ощутила всплеск гнева, даже ненависти по отношению к матери. Душевная черствость этой женщины, как и ее чрезмерная набожность, приводили девушку в отчаяние.

— Мама, Моиз тоже божье создание! — гневно заявила она.

— Не богохульствуй, дочка! — возразила на это Ортанс. — Посмотри лучше на себя! Растрепанная, щеки красные! Разве это прилично? И говоришь, как язычница.

— Нет! — уперлась Клер. — Это есть в Евангелии. Иисус говорит, что тот, кто делает больно самой маленькой птичке, делает больно и ему, и что Бог-Отец огорчается на небесах.

Ортанс не нашлась с ответом. Девушка много читала и память имела хорошую. И сейчас отличное знание катехизиса ей пригодилось.

Колен озабоченно поглядывал на свое единственное дитя. Сегодня Клер казалась ему еще красивей, чем обычно. Этим, возможно, и объяснялась чрезмерная раздражительность ее матери. Клер расцветала с каждым днем, и по контрасту с тонкой талией все отчетливей округлялись ее бедра и грудь. В свое время Колен Руа, ценитель женской красоты, открыто восхищался дочкой — этим плодом жарких объятий их с Ортанс первой брачной ночи.

Клер встала, чтобы достать из буфета фаянсовое блюдо с яблочным пирогом под медовой заливкой. Она испекла его этим утром, используя последние плоды из собственного сада, дожидавшиеся своего часа на решетчатых чердачных полках. Семья молча приступила к десерту, наслаждаясь его нежным вкусом.

— Я иду спать! — объявила наконец Клер, облизывая губы, как лакомка-кошка. — Ты готова, Бертий?

— Да, конечно.

Это давно стало ритуалом. Клер отодвигала от стола плетеное кресло кузины и, присев, подставляла той спину. Бертий цеплялась за ее шею, после чего Клер пружинисто выпрямлялась и подхватывала несчастную калеку сзади.

Теперь девушке предстояло подняться на второй этаж по довольно-таки крутой лестнице. Это маленькое испытание Клер превратила в игру. Она шепотом приказывала Бертий кричать что-нибудь вроде «Кучер, трогай!» или «По коням!». Но сегодня обошлось без шуток и смеха. Ортанс проводила их взглядом до самого верха. Губы ее сжались, образовав в уголках рта привычные горькие складки.

— Никогда Бертий не выйдет замуж, — сказала она мужу. — Придется ее кормить, пока глаза наши не закроются... Вот если бы Жиро-младший попросил руки нашей Клер! Заказов становится все меньше, Колен. Мы просим бо`льшую цену, чем некоторые.

Муж рассеянно кивал. Ему совершенно не хотелось обсуждать эту деликатную тему, тем паче что представить мельницу без Клер он не мог. Одним своим присутствием его единственное дитя радовало

всё и всех вокруг. На охоте он очень устал, ноги болели. События этого морозного январского дня, волчья кровь на снегу, смерть старого Моиза — было отчего расстроиться. Но и завтрашнего розового рассвета, который осияет белый от снега пейзаж, он ждал без оптимизма: воскресенье, придется идти с Ортанс в церковь. Если бы можно было сразу проснуться в понедельник, и за работу! Он представил острый запах бумажной массы, беспечную болтовню работников. Там его настоящий дом, между сушильными цехами и рекой... Там его сердце билось в унисон с текучей водой, под мерный грохот машин, от которого содрогались стены и который для него был музыкой, любимой и привычной.

Но, как выяснилось, на сегодня его заботы еще не кончились. В комнате с голубыми стенами Ортанс задула свечу, как только они легли. По движениям жены он догадался, что она сняла ночную рубашку. Тело у этой женщины с грустным лицом по-прежнему было красивым и изящным, кожа — упругой. Она положила руку ему на живот, потом попыталась поласкать его через кальсоны. За фасадом чопорности Ортанс привыкла скрывать не только свои тайные горести, но и желания.

— Колен, я еще не такая старая! — взмолилась она смиренно. — Тебе нужен сын, чтобы со временем передать ему дело. Колен! Быть может, в этот раз Господь сжадется над нами! Завтра после мессы я поставлю свечку. И если мое желание сбудется, о радость!

Она дрожала. От желания? Или потому, что хотелось плакать? Он не мог не пожалеть ее, не умилиться... Соитие получилось коротким, напряженным. Ортанс вся трепетала, закусив краешек простыни. Она стыдилась удовольствия, испытываемого в такие моменты. Ей казалось, это немое неистовство чувств сродни одержимости, хотя речь шла о законном супруге, таком же добром католике, как и она сама. Что до Колена, обычно он неохотно решался на супружескую близость, но быстро увлекался, и некоторые их ночи пролетали в том же страстном, сладком забытии, что и у молодоженов.

Бертий, по уверениям Клер, сегодня была хороша, как никогда. Распустив светлые волосы по плечам и откинувшись спиной на подушки (как и матрас, набитые гусиным пером), она сидела на их общей кровати. Красное постельное белье подчеркивало бледность ее

кожи. Обычно для кузин это было время доверительных разговоров, смеха — благо взрослые их не слышат. Но сегодняшней вечер был омрачен драмой, и даже посторонний заметил бы, каких усилий стоит Клер удерживать на лице улыбку.

— Бертий, моя принцесса, сегодня наш герой показал свое настоящее лицо, — прошептала она, сбрасывая запятнанную кровью Моиза юбку. — И эта скотина посмела коснуться моей щеки! При том, что минуту назад он застрелил и мою собаку и несчастную, ни в чем не повинную волчицу!

В памяти обеих были еще свежи приключенческие романы, прочитанные этой зимой: «Капитан Фракас», «Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо», и обе имели склонность приписывать соседям и приезжавшим на мельницу клиентам романтические черты, свойственные любимым персонажам. Уже два года Фредерик Жиро, высокомерный красавец с тонкими усиками, занимал почетное место в их любовных грезах.

— Ты слишком строга! — возразила Бертий. — Он сделал так только потому, что ты ему нравишься. И дядя Колен прав: он думал, что пес бешеный, и волчица тоже.

— Увы! Если бы я повстречала его будущей весной, когда цветет боярышник! Не было бы ни этой проклятой облавы, ни ружей. Но теперь с мечтами о нем покончено. Он жестокий негодяй. Нет, хуже — чистейшей воды мерзавец. Но я его все равно одурачила! Ты еще не знаешь главного, моя Бертий...

Клер никак не могла успокоиться: перед глазами до сих пор был окровавленный Моиз. Она старательно изображала веселость, описывая кузине, как нашла волчонка. Та слушала, широко раскрыв глаза.

— И ты оставишь его себе? — спросила Бертий. — Тетя Ортанс не согласится!

— У нее нет выбора. Собака нужна, чтобы охранять двор. А мы с тобой завтра, перед мессой, съездим к Базилу. Посажу тебя на тачку — и вперед!

Кузина невольно поморщилась. Если речь шла о небольшом расстоянии, Клер часто перевозила ее на тачке с плетеным из лозы кузовом.

— Я бы предпочла коляску, — сказала она. — Когда мы кого-нибудь встречаем, мне неудобно.

Эта просьба удивила Клер. Дом Базиля стоял в километре от них, выше по реке, — по ее мнению, слишком близко, чтобы ехать туда на коляске. Она вздохнула, но согласилась:

— Если папа позволит, я запрягу лошадь. Прости, Бертий, это просто не приходило мне в голову. Несправедливо, что ты... в таком состоянии. Страдаешь молча каждый божий день! И вообще, многое я теперь вижу по-другому!

Сил сдерживаться у Клер больше не было. Она бросилась на кровать, зарылась лицом в одеяло и разрыдалась. Кузина наклонилась, обняла ее и тоже заплакала. Бертий восхищалась бескорыстной добротой Клер и ее преданностью. В этот миг она с ясностью поняла, скольких забот и огорчений ей это будет стоить в будущем.

— Пока ты со мной, Клеретт, я буду счастлива...

Их пальцы медленно переплелись. Живущий в амбаре филин громко заухал. Девушки привстали на кровати, чтобы посмотреть, как он будет вылетать через чердачное окошко.

Взмах широких крыльев — и птица уже в небе. Ее бесшумный полет, кстати, до смерти пугал юную Этьенетту, чья каморка находилась на чердаке хозяйского дома.

Привычно облетев долину О-Клер, филин устроился на вершине утеса. Его желтые глаза выискивали добычу. Впрочем, как и глаза Фредерика Жиро, который, несмотря на снегопад, шагал по дороге с ружьем на плече. Он прошел километра два, не меньше, энергичным шагом, но так и не успокоился. Зимой он терпеть не мог: в это время года природа дремлет, почти как неживая, а то и вовсе замирает, скованная морозом. Фредерик любил края, где родился и вырос, а еще больше — лошадей и, как следствие, — урожаи, которые этих лошадей кормили. Ежегодно он проверял качество ячменя и овса и платил жнецам двойное жалованье, чтобы получить красивые снопы светлой соломы. Лето, щедрый сезон, полный самых радужных ожиданий, было его стихией. С апреля Фредерик бродил по лугам ради удовольствия ощутить под ногами почву, из которой после весенних дождей проклюнется молодая трава — залог забитого под завязку сеновала.

Когда показались крыши местечка Пюимуайен, юноша прибавил шагу. Странные мысли теснились у него в голове. И странные картины. Раз десять, не меньше, за время прогулки он вспоминал очаровательное личико Клер Руа. Он не ожидал встретить ее в день облавы, и так поздно. А встретив, словно по-новому ее увидел, и это было необычно и волнующе. Фредерик остановился, чуть запыхавшись, чтобы вспомнить ее голос, ее мольбы.

Под тяжелой накидкой угадывалась хрупкая девичья шея, то и дело мелькала ее белоснежная кожа. На фоне снега, отражавшего малейший отблеск в ночи, ему нарисовалось лицо Клер с пухлыми губами, тонким носом и выразительными черными глазами.

«Эта девушка — как спящий уголек! Раздуй — и получишь жаркое пламя!»

Он ощутил волну возбуждения. По долине Фредерик бродил с тех пор, как кончилась облава, надеясь усмирить таким образом терзавшую его похоть — порок, унаследованный им от отца. Поговаривали, что Эдуар Жиро в молодые годы (и не только) растлевал девственниц без разбора, не пропускал ни одной юбки. Матери семейств наказывали дочерям держаться подальше от этого грубияна весом более сотни килограммов. Он не мог пройти мимо женщины, чтобы не уложить ее на траву, особенно если это была дочка или жена его арендатора. Тонкий расчет! Посмей возразить — и семья лишится всего. Из страха потерять и без того скромный доход подневольные фермеры предпочитали молчать.

Фредерик выругался. Но не наследственность он проклинал, а то, что еще полчаса придется потерпеть. Стреляя в собаку, он был сосредоточен на охоте, и удачный выстрел его порадовал. Но теперь он сожалел, что так просто дал Клер уйти. «Можно было ее поцеловать, раз уж мне на ней жениться... И, наверное, первым попробовал бы на вкус ее губы!»

Мадемуазель Руа в невесты ему посоветовал отец: «Девчонка хорошенькая, и вдобавок получим мельницу! Земля там отличная, стены — крепкие».

Эту песню Жиро-старший пел уже год... Фредерик ухмыльнулся. Ну конечно, этому старому хряку будет приятно заполучить в дом такую соблазнительную невестку! С нижней ветки дерева на Фредерика тарасился дикий кот. Желтые глаза его поблескивали в темноте.

Юноша зарядил ружье, прицелился и выстрелил. Кот ловко спустился по стволу и исчез.

«Промахнулся! Чертова зверюга!»

Церковный колокол в Пюимуайене отзвонил одиннадцать раз. Фредерик подошел к дому, стоящему в некотором удалении от других. Поскребся в дощатый ставень. Послышался едва уловимый шорох, и одна из створок приоткрылась. Показалась пухлая женская рука, а потом и прикрытая кружевом грудь.

— Это ты?

Девушка выглянула на улицу.

— А кто, по-твоему, это может быть? — отозвался Фредерик. — Или к тебе еще кто-то ходит в такое время?

— Уже бегу! — отвечала девушка. — Жди меня на сеновале, любимый!

Мужчина поморщился. Чтобы получить желаемое, приходилось терпеть все эти глупости, эти слащавые разговоры... Он неспешно приблизился к соседней постройке, скользнул внутрь. Под крышей, поддерживаемой огромными балками, высилась скирда соломы. От нее исходил едва уловимый аромат лета. Пол был устлан сеном. За дощатой перегородкой громко фыркали коровы.

Запахи навоза и мочи Фредерика не раздражали. Он приходил сюда трижды в неделю, чтобы вдоволь натешиться пышным телом Катрин. Она прибежала к нему, трепеща от радости и предвкушения. Только вот их объятия были сродни обстановке и присутствующим здесь запахам.

— Как ты сегодня поздно! — зашептала она, подбегая. — Фредерик, милый! Ты тоже был на облаве, охотился на этих проклятых волков, которых я так боюсь? Скажи, ты бы огорчился, если бы волк загрыз твою Кати`?

Мужчина не удостоил ее ответом. Он презирал любовницу, равно как и большую часть человечества. Удовлетворить плотский голод — вот что ему было сейчас нужно. Не снимая перчаток, испачканных в крови и земле, он задрал подол ее ночной рубашки, раздвинул ей ноги. Катрин тихонько ойкнула, подчиняясь. Стуча зубами от холода, она все же развязала ворот и подставила ему свои груди с отвердевшими сосками. Он осыпал их поцелуями, перешедшими в легкие покусывания.

Утоляя вожделение, он не утомлял себя ласками, не думал о партнерше. Движения его, как и всегда, были грубыми, принуждающими. И вдруг Фредерик поймал себя на мысли, что на месте Катрин представляет Клер. Удовольствие его будто удесятирилось. Он совсем разошелся, буквально терзая любовницу.

— Ты делаешь мне больно, — жалобно прошептала она.

— Заткнись! — процедил он сквозь зубы.

Ему хотелось мучить, истязать... Перед тем как уйти с отцом на охоту, Фредерик выпил, но эта внезапно накатившая холодная ярость его испугала. Он уткнулся лицом в теплые белокурые волосы Катрин, прижался к ним губами, а потом и присосался к ее шее — крепко, чтобы остался кровоподтек.

— С ума сошел! — воскликнула девушка. — Зачем это? Отец же может увидеть и жених тоже! Бедный Фолле, если б он знал...

К Фредерику понемногу возвращалось спокойствие. Он пролил семя между ног любовницы — не хватало ей забеременеть! — и, обессиленный, перекатился на бок.

Катрин стала целовать его лоб и волосы. Он отмахнулся, как от надоедливой мухи.

— Я так тебя люблю, так люблю! — шептала девушка. — Вот и рискую, бегаю к тебе ночью. Если отец нас застанет...

Она придвинулась и положила ему на живот холодную руку. Фредерик вздрогнул, выругался и встал.

— Иди в дом, — буркнул он. — И не вспоминай про жениха, когда ты со мной. У этого бедолаги рога выше колокольни! Не смей над ним насмеяться. Лучше женитесь поскорее, безопасности ради.

Фредерик подобрал с пола шляпу и ружье. Выглянул в приоткрытую дверь — никого! — и скрылся в ночи.

Пока старший сын навещал Катрин, Эдуар Жиро сидел, вытянув ноги к яркому пламени в камине, и потягивал старый коньяк. В доме было тихо. Потрескивание поленьев для этого грузного мужчины с куперозными пятнами на лице было сродни приятной музыке. Покручивая в пальцах пузатый бокал, он наблюдал за танцем янтарного напитка.

В свои пятьдесят шесть он уже не мог безнаказанно проводить на ногах столько времени, как сегодня. Но не бросать же облаву, которую

сам организовал! Теперь Эдуар Жиро чувствовал себя совершенно разбитым. Хотя сознавать, что в сарае три трупа волков, из которых двум он сам всадил пулю в бок, было приятно. Напустив на себя важность, он пообещал слугам, что вознаграждение достанется им.

Уже двадцать пять лет он владел самым большим поместьем в долине О-Клер. Жиро все контролировал лично — состояние пастбищ, качество зерна, появление на свет жеребят. Не будь у него состояния жены, Марианны, такого благоденствия достичь бы не получилось. Но теперь покупатели издалека приезжали за его лошадьми — чистокровной верховой породы и першеронами. Стать полноправным хозяином края он мог, лишь заполучив Пастушью мельницу. Жаль, выдворить оттуда Колена Руа не так легко...

«Терпение! — сказал он себе. — Фредерик женится на этой пигалице Клер, и мельница — наша!»

На верхнем этаже что-то стукнуло, и Эдуар Жиро прислушался. Голос позвал:

— Эдуар! Поднимись ко мне!

Мужчина встал с кресла, злясь, что его потревожили. Его силуэт с тяжелым животом и слегка согбенной спиной, как в театре теней, вырисовался на противоположной стене. Широкое красноватое лицо сморщилось от неудовольствия. Тонкие губы, широкий нос, выражение глаз какого-то мутного, выцветшего оттенка зеленого довершали крайне неприятное впечатление об этом человеке. С таким лучше не связываться...

— Эдуар! — снова позвали сверху.

— Чего эта гарпия от меня хочет? — пробурчал он.

Первая мысль — пойти разбудить Пернелль, горничную, и отправить к хозяйке. Нет, все-таки разумнее пойти самому...

С усилием преодолевая каждую ступеньку, он поднялся на второй этаж. В коридоре горела керосиновая лампа. В комнату жены он вошел без стука.

Марианна Жиро лежала на полу, лицо ее было перекошено и землистого цвета. Из носа текла кровь. Такого ее супруг увидеть не ожидал. И звать прислугу сразу передумал.

— Ну что? — тихо проговорил он. — Кажется, это конец?

— Эдуар, мой друг, мне плохо, очень плохо. Сжался, позови доктора! Я прошу тебя об этом с утра...

Он приблизился. Опытный охотник, Эдуар Жиро умел двигаться беззвучно, несмотря на грузность.

— Ну что ты, Марианна! Я не стану беспокоить нашего славного Мерсье ради простого ушиба. Надо было сразу позвонить Пернелль!

— У меня не было сил, — пробормотала несчастная.

Одной рукой он подхватил ее под плечи, другой — под ноги. Для человека его роста и силы тело Марианны казалось легким, как перышко. Он грубо бросил ее на кровать, прикрыл одеялом.

— Сердце! — простонала женщина. — У меня жмет в груди!

Эдуар какое-то время смотрел на жену, и в глазах его читалась безмерная ненависть, которую он к ней испытывал.

«И как юная красавица может превратиться в такую вот развалину?» — думал он.

Он вспомнил, какой она была: миниатюрная, тоненькая, с молочно-белой кожей и копной рыжих кудряшек. И во времена, когда они уже были помолвлены, она любила его, звала «мой великан», хотя он был на двенадцать лет старше. Второй сын ангулемского торговца зерновыми и фуражом, Эдуар Жиро в те времена мечтал только о лошадях, широких лугах и красивом доме из тесаного камня. Он сорвал большой куш, окольцевав «этого кузнечика», — так он описывал жену своим друзьям-выпивохам, — что не помешало ему вскорости ее покинуть и изменять ей. При том, что Марианна родила ему двух сыновей, Фредерика и Бертрана, который сейчас изучал право в Бордо. Позднее на свет появилась дочка, Дениз. Она прожила всего две недели. К большому огорчению отца Жака, Эдуар Жиро распорядился похоронить ее в своем поместье, в дальнем конце парка, рядом с могилами еще двоих детей из их семьи. Отчаявшаяся Марианна перестала бывать на людях и даже выезжать верхом. Роды были трудными, и по-женски у нее что-то разладилось, так что муж не желал к ней больше прикасаться.

— Эдуар, отправь Пернелль за доктором, умоляю! Хотя бы ради наших детей! Когда же ты меня простишь?

— Никогда, — прошептал мужчина. — И не жалуйся. Я мог бы убить тебя на месте, но не убил. И только ради детей! Им нужен был порядочный отец, который научит жизни. Да и мне сгнить в тюрьме из-за какой-то шлюхи не улыбалось.

Слезы ужаса брызнули у Марианны из глаз и потекли по щекам. Она поняла: ничего хорошего не стоит ей ждать от человека, которого она когда-то так любила и который сейчас, глядя на нее, радовался, что отмщен. Она обречена...

[2](#) Традиционное наименование мануфактур, производивших бумагу ремесленным способом. Строились на реке, функционировали по принципу водяных мельниц. (*Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное*).

[3](#) Иеремиада — горькая жалоба, сетование (по имени библейского пророка Иереми, оплакивающего падение Иерусалима).

[4](#) От фр. *blanc* — «белый».

[5](#) Моиз — французский вариант библейского имени Моисей.

[6](#) Двустиише из стихотворения Альфреда де Виньи «Смерть волка» дано в переводе Александра Федорова.

[7](#) Луиза Мишель (1830—1905) — французская революционерка, писательница и поэтесса.

Глава 2. Пастушья мельница

Клер проснулась на рассвете. Осторожно отодвинула голову Бертий, покоившуюся у нее на плече, встала. Первым делом — открыть окно, распахнуть ставни. Пейзаж был так красив, что девушка невольно улыбнулась. Снег шел всю ночь, и теперь ее родная долина нарядилась в белое. Высокие утесы по-прежнему подставляли свои серые бока робкому солнцу, пробивавшемуся сквозь тучи. Сверкали тронутые инеем ветви деревьев и высокие травы.

«Какое это было бы счастливое утро, если бы Моиз не умер!» — подумала Клер.

Тут она вспомнила про волчонка, оставленного на попечение свиньи Гертруды, и немного повеселела. И стала торопливо одеваться.

«Пойду и прямо сейчас попрошу у папы разрешения взять коляску! Он наверняка встал».

По лестнице она спустилась на цыпочках. Колен Руа, сидевший за столом с кружкой кофе, удивленно поднял на нее глаза.

— Я думал, ты сегодня полежишь подольше, моя Клеретт!

— Нет, пап. Я плохо спала, а еще хочу кое о чем с тобой поговорить.

Девушка отметила отсутствие матери. Что ж, это к лучшему! Она погладила отца по руке.

— Так хорошо, когда мы можем поболтать вдвоем!

— Мама отдыхает, — пояснил бумажных дел мастер.

Клер отрезала себе хлеба, намазала его маслом. Не зная, как обосновать поездку к Базилю в воскресное утро, она решила немножко солгать.

— Папа, можно я позавтракаю и сразу запрягу лошадь? Столько снега выпало, так красиво! Хочу заехать к Базилю, завезти ему бутылку бузинового сиропа. Он сильно кашляет. Мы успеем вернуться, забрать вас с мамой, и все вместе поедem в церковь.

Взгляды отца и дочери встретились. Клер первой опустила глаза.

— Пожалуйста, пап, — прошептала она. — Зимой мне трудноато толкать тележку. Да и кухня, боюсь, замерзнет.

— Надеюсь, сосед не забивает тебе голову своими анархистскими бреднями? Я уважаю Дрюжона, но то, что он говорит, не всегда годится для ушей юных девушек, — сказал Колен. — Делай как

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ